

УДК 008:930(410)Гуди(049.32)

СВЕТ С ВОСТОКА, ИЛИ ЧУВСТВО ВИНЫ ПРОФЕССОРА ГУДИ**А. В. Сметанин**

Рецензия на книгу «Похищение истории» английского антрополога и историка Джека Гуди. Исследуется дискуссионный взгляд автора на вопросы общности исторического процесса и межкультурного взаимодействия сквозь призму анти-европоцентристской теории Гуди.

Ключевые слова: европоцентризм, востоковедение, историография.

«Похищение истории»¹. Именно такое интригующее название представил публике профессор Джек Гуди в своём последнем на данный момент сочинении. Въедливый читатель уловил аллюзию на «Похищение Европы», и читатель абсолютно прав, но в данном случае сама Европа выступает в роли похитителя.

Имя Джека Гуди (Jack Goody) не говорит рядовому российскому историку практически ничего, меж тем это гуру современной социальной и исторической антропологии. Профессор родился в 1919 г., участвовал во Второй мировой войне, пережил трёхлетний плен, был посвящён в рыцари Британской империи и ныне занимается преподавательской деятельностью в ранге академика.

В своей полувековой научной биографии Гуди проделал путь от изучения традиционных обществ Африки до широких сравнительных исследований по вопросам собственности, семьи, секса и даже роли цветов и еды. Однако наибольший вклад Гуди внёс в изучение явления грамотности, где его авторитет не оспаривается с 1960-х гг. Последнее десятилетие автор посвятил проблемам научного познания, прежде всего проблемам антропологии и культурологии. В целом, профессора можно охарактеризовать как человека смелых взглядов, к примеру, его статьи встречаются во влиятельных левых изданиях, вроде «New Left Review»².

Книга увидела свет достаточно давно, в 2006 г., но до русского читателя, как и остальное творчество Гуди, она так и не дошла. Меж тем это одно из немногих историографических исследований классика западной антропологии. Частично «Похищение истории» пересекается с более ранними работами автора, прежде всего с книгами «Восток на Западе»³ и «Капитализм и новейшее время»⁴.

Предваряя повествование о достоинствах и недостатках данной монографии, необходимо отметить, что реакция на неё оказалась неоднозначной и в большинстве своём запоздалой. Канадский социолог Роберт Пайк назвал книгу «жесткой литературой»⁵, отметив сыровость работы и не критичность издателей к авторитету автора. В то же время медиевист Джонн Арнольд выделил способность автора существовать между категоричностью популярной литературы и абстрактностью научного стиля⁶. Примечательно, что по истечении четырёх лет продолжают выходить рецензии на данную книгу, что говорит о сохраняющемся интересе к поднятым темам.

Объектом критики Джека Гуди стал европоцентризм, укоренившийся в исторической науке, прежде всего во влиятельных теориях исторического процесса. Сам автор употребляет более широкое понятие «этноцентризм» (ethnocentrism), несмотря на то что термин «европоцентризм» (eurocentrism) также существует в английском языке. Предпочтения автора вполне объяснимы: первое понятие пришло из антропологии, и Гуди, как адепт этой отрасли знания, всецело принимает его в ущерб более политизированному второму понятию.

Источник проблемы определяется как «европейско-азиатская дихотомия», т. е. некое представление о противоположности и контрастности развития двух частей света, зародившееся в период античности.

В известной истории английский король послал Оксфорду книгу, а Кембриджу меч. Вот и работа кембриджского профессора Гуди получилась боевитой, хоть и теоретической.

Книга является полемичной, и сам автор задаёт тон дискуссии. Объясняя необходимость этой монографии, он пишет, что был обеспокоен способом, которым Европа украла историю Востока, тем, как внедрялось собственное видение времени и пространства для остальной части евразийского континента⁷.

В первой главе автор настойчиво пытается убедить читателя, что революционные «изобретения» Запада все как одно пришли с Востока. Алфавит, философия, самоуправление, экономический обмен, городские сообщества и т.д.

В этой части профессору Гуди возразить нечего. Доказательная база налицо, да и в профессиональном сообществе пальма первенства не оспаривается. Так зачем же вновь и вновь обрушиваться на непрочные мифы? Здесь кроется особенность книги – она ориентирована не столько на научное сообщество, сколько на широкий круг приверженцев гуманитарного знания, на любителей истории и историков-любителей. Потому многие претензии, которые должно предъявить научному исследованию, этой работе мы предъявлять не вправе.

Сообщая читателю исторические факты, Гуди чувствует себя несколько неуверенно, постоянно ссылаясь на неких археологов и историков. Очевидно, что область событийной истории не интересна Гуди и к ней он обращается только, чтоб не прослыть голословным. Гораздо интереснее антропологические наблюдения уважаемого автора, которыми изобилует данное исследование.

К примеру, европейский прогрессизм автор противопоставляет умению Востока оглядываться назад. Причину различий он видит в разном восприятии времени в разных частях света: линейный счёт времени в Европе и циклический в Азии⁸. Восточная цикличность породила у европейцев миф об отсталости азиатского мышления, о застое общественной жизни.

Восприятие пространства тоже неодинаково. Так, европейское искажение пространства приняло идеологический характер в эпоху Великих географических открытий (впрочем, и этот термин не нравится Гуди своей европоцентричностью)⁹. В тот период картографические проекции и навигационные хронометры начали рассматривать Европу как центр мира и точку отсчёта.

Таким же актом «похищения истории» называется европейская традиция исторической периодизации. В основу этой традиции положено развитие науки, институтов, ценностей западного мира, которые развиваются линейно, а не циклично¹⁰. Длительное время такая «западная» модель периодизации воспринималась как единственно верная.

Толерантность и уважение к неевропейскому миру заставляют Гуди ломать миф за мифом, заставляют призывать к объективной оценке другого общественного уклада. Подчас это выглядит докучливо, иногда увлекательно, изредка лишним.

Самое ценное, что есть в книге, – отнюдь не перечисление заслуг восточных цивилизаций перед современным миром и не подчёркивание разницы между Западом и Востоком. Эта книга не об истории, а об историках. Гуди интересно, каким образом европоцентричные представления трансформируются во влиятельные исторические теории.

В качестве препарированных выбраны трое учёных, по мнению автора, играющих важную роль в «современном понимании мировой истории»¹¹. К таковым были отнесены Фернан Бродель, Джозеф Нидэм и Норберт Элиас. Разумеется, все трое являются европейцами и представляют разные национальные и методологические школы.

«Похититель науки» Д. Нидэм, «похититель цивилизации» Н. Элиас и «похититель капитализма» Ф. Бродель удостаиваются, в целом, схожих упрёков. Во-первых, они изначально в качестве образца выбрали Европу. Подлинного сравнения Запада и Востока не было, вместо него присутствовала примерка восточных одежд на западный манекен. Во-вторых, учёные выступали с позиции собственных научных интересов. Биолог Нидэм подсознательно верил в некие врождённые качества народов, социолог Элиас сравнивал развитие цивилизации с ростом человека, а историк Бродель слишком туманно определял капитализм и не смог определиться с его хронологией.

Помимо проанализированных учёных, досталось К. Марксу, М. Веберу, С. Хантингтону и другим столпам современной науки.

На первый взгляд, три главы книги «Похищение истории» вполне могут быть изданы тремя отдельными монографиями, поскольку имеют характер законченности и слабо связаны друг с другом. Однако при внимательном прочтении прорисовывается определённая логика автора. В первой главе Гуди ниспровергал мифы общественного сознания, во второй – мифы классической науки, в третьей же достаётся науке современной. В этой последней главе анализируются институты и ценности, традиционно относящиеся к европейскому чуду.

Читатель данной рецензии наверняка является историком или представителем общественных наук, а потому сам может вступить в полемику с Джеком Гуди. Вынесем на ваш суд ряд тезисов автора, а вот соглашаться с ними или нет – отныне ваше право. Итак, до XIX в. европейский город

(town) мало отличался от азиатского, а потому феномен города не является отличительной чертой западной цивилизации¹². Далее: европейские университеты появились позднее аналогичных организаций исламского и византийского мира и восприняли от них методики богословского и юридического образования, соответственно¹³. Ещё один тезис: гуманизм как выделение светского начала в религиозной картине мира наблюдался и наблюдается в арабских странах и в иудаизме, но в более органичных формах¹⁴. Перечисление можно продолжать, но интереснее самостоятельно обратиться к этой книге, к чему можно лишь призвать российского читателя.

Гуди невольно сталкивается со злободневным парадоксом западной демократии. С одной стороны, мы считаем, что современная демократия является особым достижением европейского пути развития. С другой стороны, мы верим, что она носит черты универсальности и должна быть внедрена во всех обществах. Каким же образом сочетаются уникальность демократии для Европы и универсальность её для мира.

Автор не верит в абсолютную эффективность греко-англо-американской модели и предлагает анализировать феномен демократии через её основные ценности: индивидуализм, равенство, свободу¹⁵. Здесь Гуди попадает в ловушку современного европейского мышления. Находя по толлке эти ценности в других обществах, он делает вывод о возможности иных путей развития на базе тех же ценностей. Более того, в европейском социуме он находит четвёртую ценность, нивелирующую отрицательные стороны капиталистической демократии. Гуди определяет её знакомым термином «братство». Суть этой ценности сводится к тому, что она «через взаимопомощь стремится изменять иерархическое неравенство»¹⁶. Иными словами, Гуди верит в институт добровольного перераспределения благ через благотворительность. Подчеркнём, данный институт не является принудительным.

Ещё одна парадоксальная мысль автора, которую нельзя обойти вниманием, – это «похищение» европейцами чувства любви. Задумайтесь, кого мы представляем, говоря об этом высоком чувстве? Очевидно, что Ромео и Джульетту мы предпочтём Лейли и Маджнун, а все романы Элизабет Тейлор не променяем на историю Мумтаз-Махал, упокоенной в Тадж-Махале. Автор не задаётся вопросом, почему иконическим образом становится западное проявление чувств: ответ ясен. Гуди интересуется, а так ли отличается эта западная, извините за формализм, модель. Включая недожинную антропологическую эрудицию, Гуди показывает, что говоря о любви, мы выстраиваем образы лишь её внешних проявлений (*expression of an emotion*)¹⁷, а не сущности любви. Эти внешние проявления на Западе более яркие и эмансипированные, отчего складывается ощущение, что на Востоке любви нет. Кроме того, в недавней истории шло сознательное навязывание этого стереотипа. Европейский империализм пытался выставить себя единственным носителем высокой любви: любви к людям, любви к Богу, любви к разумности и порядку, предлагая свою любовь «несчастливым» жителям Востока.

Интересно, что, исследуя коллизии европейско-азиатского исторического процесса, Гуди практически опускает историю немавританской Африки и обеих Америк. История приобретает у автора характер некоего евразийского явления или даже азио-европейского. Убедительная риторика подчас рождает ощущение азиатского мессианства, но ведь мысль автора была иной, и мы это прекрасно понимаем. Данный недостаток присущ всем критическим и обличительным произведениям, когда вместо всеобъемлющей точки зрения учёному приходится приводить лишь некоторую её часть.

Одно можно сказать точно: Гуди не является сторонником цивилизационного подхода, острожен с прогрессистскими теориями. Он выступает за аккуратность в сравнительном анализе и избегает категоричных суждений.

А теперь скажем о том, чего в этой книге нет. В этой книге нет ёрничества и игры в постмодернизм, нет вербальных наслоений и нагромождения концептов, свойственного антропологам. Вы не найдёте здесь подмены критики пафосом, а действительного желаемым. И, наконец, в этой книге нет открытых вопросов, Гуди не стремится переложить бремя размышлений на читателя.

«Похищение истории» – увлекательный источник по настроению западных учёных умов. Прочтите её хотя бы затем, чтобы узнать, какие чувства заставляют преуспевающего английского профессора выступать с высокой трибуны и критиковать собственную историю. Не требуйте от этой работы многого, книга рефлексировать лишь определённый этап в развитии западной историче-

ской науки, этап больших имён, больших теорий и больших мифов. Неясно, станет ли книга культовой, но автор подразумевал её именно такой.

Примечания

¹ *Goody J.* The Theft of History. Cambridge, 2006.

² *Goody J.* The Labyrinth of Kinship // *New Left Review*. Vol. 36. 2005.

³ *Goody J.* The East in the West. Cambridge, 1996.

⁴ *Goody J.* Capitalism and Modernity: The Great Debate. Cambridge, 2004.

⁵ *Pike Robert M.* Jack Goody, The Theft of History // *The Canadian Review of Sociology* [электронный ресурс]. URL: <http://www.csa.ca/CRSA/BookReview/BookReviewInfo.htm> (проверено 16.02.2010).

⁶ *Arnold John H.* Review: Jack Goody, The Theft of History // *European History Quarterly*. 2010. Vol. 40. № 1. P. 139.

⁷ *Goody J.* The Theft... P. 286.

⁸ *Ibid.* P. 18.

⁹ *Ibid.* P. 21.

¹⁰ *Ibid.* P. 22.

¹¹ *Ibid.* P.125.

¹² *Ibid.* P. 222.

¹³ *Ibid.* P. 227.

¹⁴ *Ibid.* P. 240–241.

¹⁵ *Ibid.* P. 256.

¹⁶ *Ibid.* P. 261.

¹⁷ *Ibid.* P. 285.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.02.2010